

Жирина М.В.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: СТАТУСНО-РОЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И КРИТЕРИИ ПРЕСТИЖНОСТИ

Аннотация. В качестве предмета исследования в данной статье выступает высшее образование как механизм, детерминирующий статусно-ролевую дифференциацию общества. Автор ставит задачу выяснить, является ли высшее образование в условиях современной российской действительности «социальным лифтом». Кроме того, изучается вопрос о престижности-массовости высших учебных заведений как критериях, определяющих выбор абитуриентов. Особое внимание уделяется качественной составляющей образования и ее роли в формировании статуса вуза. В статье дается общая оценка «социальной подвижности» молодого поколения. В качестве основных методов автор использует анализ вторичных данных, а также анализ литературы по теме. Научная новизна данной статьи заключается в раскрытии сути фильтрующей функции высшего образования в условиях российской действительности. Автор приходит к выводу, что стратификация в образовании и воспроизводство неравенства посредством образования вероятны только в сочетании с другими аспектами, как-то, высокий аскриптивный статус, наличие связей, удача и личные качества.

Ключевые слова: высшее образование, статусно-ролевая дифференциация, престиж, качество, массовость, статус, вуз, общество, социальная мобильность, фильтрующая функция.

Система образования в зависимости от исторического контекста всегда представляла собой особый канал, посредством которого осуществлялось формирование той или иной стратификационной структуры общества. «Канал социальной мобильности можно рассматривать как социальную практику, связанную с изменением социального положения. А институт социальной мобильности — это особая разновидность социального института, включающая в себя среди прочих один или несколько каналов социальной мобильности или институционализированных практик, связанных с изменением социального положения»¹.

Можно сказать, что система образования «консервировала» иерархическое строение социума. Разумеется, и сегодня «<...> инсти-

тут образования отражает структуру общества; воспроизводит отражаемую им структуру общества и, <...>, влияет на формирование структуры общества»². Поэтому рассмотрим образование как фактор, определяющий социальное неравенство и интенсификацию процессов дифференциации. В центре внимания — фильтрующая функция института образования. Неотъемлемой характеристикой также выступают функции передачи ценностей и знаний, а также осуществление социального контроля.

Любые институциональные связи характеризуются наличием устойчивой социальной дифференциации и по горизонтали, и по вертикали. Институт российского образования, конечно, не является исключением. Хотя «образование можно определить как формальный процесс, на основе которого общество передает ценности, навыки и знания от одного человека или группы другим», оно также является незаменимым функциональным

¹ Просольченко С. А. Социальная мобильность, её каналы и механизмы. Социальные институты как инструменты управления социальной мобильностью/ Научные проблемы гуманитарных исследований/Изд-во: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. № 7, 2010. С.246.

² Шаронова С. А. Социология образования. — М.: Изд-во ПСТГУЮ, 2011. С.96–97.

элементом общественной гиперсистемы, его роль и значимость в стратификации уже длительное время представляет собой тему для научной полемики¹. Наиболее известные концепции социальной стратификации и социальной мобильности, принадлежащие М. Веберу, П. Сорокину, П. Бурдьё, М. Кону по сей день служат теоретическим базисом для современных эмпирических исследований. Хотя утверждение, что: «В современных обществах образование становится важнейшим ресурсом, определяющим социальный статус индивида, уровень его дохода и возможности карьерного роста» вполне логично, адекватно тенденциям действительности и широко распространено, оно неоднократно уже находило опровержение². Например, в работах американских социологов второй половины XX в.: «Кристофер Дженкс (1972) утверждает, что раса и статус родителей оказывают более важное влияние на мобильность и статус детей, чем количество лет, потраченных на учебу. Боулз и Гинтис (1976) поддержали точку зрения Дженкса. Они также считают, что различия по количеству лет обучения, существующие между социальными группами, не оказывают влияния на неравенство доходов»³. Перед нами стоит задача понять, какая из этих точек зрения в наибольшей степени соответствует современной российской действительности. Этот вопрос особенно важен еще и потому, что структура общества сегодня подвижна, а происходящие внутренние и внешние экономические процессы — неоднозначны. Используя терминологию П. Сорокина, необходимо выяснить, можно ли сегодня систему высшего образования в России в полной мере обозначить как «социальный лифт», способствует ли она вертикальной мобильности в той степени, чтобы обеспечить индивиду

социальный престиж или эта роль отведена другим каналам⁴.

Значимость образования в обществе можно рассматривать с различных методологических позиций, например, можно использовать модель американского социолога Л. Ньюмана, который для рассмотрения различных социальных явлений, прежде всего, выделял критический подход, позитивистский и понимающую социологию⁵. Поскольку мы можем рассмотреть сам социальный институт, то нам, соответственно, доступен анализ его функций с подобных точек зрения. В рамках позитивистского направления образование принято рассматривать как основной механизм передачи ценностных ориентаций, а отсеивающая функция рассматривается как возможность выбора собственного пути развития. Понимающая социология в первую очередь ставит задачу обеспечения стабильного воспроизводства общества, исходя из исторического контекста. Что касается фильтрующей функции, то здесь особое внимание уделяется борьбе за социальный статус и человеческий капитал, а также на механизмы, которые могут влиять на этот процесс. Критическая методология заставляет задуматься, что воспроизводится через образование, позволяет проанализировать задачи института образования. Соответственно, и фильтрация характеризуется повышенным уровнем индивидуальной рефлексии, а также способностью личности влиять на процесс. Несмотря на очевидные различия, все эти методологические подходы объединяет рассмотрение фильтрующей функции образования как одной из важных для формирования облика общества. Если совершать выбор, определяющий направление рассуждений, ближе к поставленной задаче оказывается парадигма понимающей социологии, поскольку внимание обращено к борьбе за социальный статус и формированию «человеческого капитала», согласно которой «образование не является

¹ Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1998. С.427.

² Осипов Г. В., Степашин С. В. Экономика и социология знания: практическое пособие/Научный совет по Программе фонд.исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». — М.: Наука, 2009. С.124.

³ Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1998. С.454.

⁴ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. С.213.

⁵ Ньюман Л. Значение методологии: три основных подхода// Социологические исследования. 1998. № 3. С.122–134.

чем-то немедленно потребляемым учащимися, скорее это капиталовложением их будущее. Как и все капиталовложения, в будущем оно приносит прибыль»¹.

Сегодня российский социум представляет собой достаточно поляризованную и сложную структуру. Формирование его нынешнего облика началось в 1990-е гг., когда российское общество после распада СССР вступило на стадию поиска новых форм социальной организации и ценностных ориентаций жизнедеятельности. Наступление рыночной экономики, смена приоритетов, морально-нравственный и ценностно-духовный кризисы перевернули российское общество. По мере стабилизации социально-экономической ситуации изменился и профиль современной стратификационной структуры. Было бы ошибочно полагать, что советское общество являлось однородным, но по мере углубления трансформационных процессов на постсоветском пространстве, его облик кардинально изменился. Например, повысился общий уровень жизни: по данным Федеральной службы государственной статистики с 1992 г. количество населения с денежными доходами ниже установленного прожиточного минимума к 2013 г. сократилось в три раза с 49,3 млн. человек до 15,7 млн. человек². Появились новые престижные высокооплачиваемые виды деятельности, связанные, в первую очередь, с инновационными, финансовыми, коммерческими видами деятельности, значительно укрепил свои позиции предпринимательский слой. Элита российского общества, представляющая высший класс иерархической пирамиды, изнутри подверглась сильной дифференциации — произошло не только расслоение по видам деятельности (политическая, научная, экономическая), но переплетение нескольких направлений. Невзирая на существенный разрыв с Западом при оценке по мировым критериям (как

правило, показатель годового дохода), исходя из собственных методов расчета среднего слоя (например, оценка по прожиточному минимуму или «самоидентификации» граждан), его количество имеет тенденцию к росту по сравнению с предыдущими периодами. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2007 г. величина прожиточного минимума на душу населения составила 3847 рублей, среднедушевой денежный доход в месяц — до 20000 рублей, в 2013 г. величина прожиточного минимума составила 7306 рублей в месяц, а среднедушевой денежный доход в месяц — до 27000 рублей³.

Итак, мы выяснили, что «современное российское общество обладает двумя основными типобразующими чертами. Во-первых, оно является постсоветским, поскольку родилось в результате краха советской системы и распада СССР. Во-вторых, это трансформирующееся общество, переживающее период качественного изменения основных социальных характеристик»⁴.

В связи с этим изменились требования к структуре и функциям социальных институтов. Кардинально изменившаяся парадигма восприятия личности человека, ее прав и свобод потребовала нового институционального пространства. Система образования не стала исключением — переориентация функционального ядра в соответствии с новыми требованиями социума стала одной из отправных точек в трансформационных процессах российского общества. А именно — система высшего образования возвращает себе роль «социального лифта» на пути к достижению социального статуса. При всей неоднородности советского общества идея равенства граждан поддерживалась через образовательный канал. Попытка искусственно формировать социальную структуру: сдерживать естественные процессы вертикальной мобиль-

¹ Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1998. С.430.

² Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] //URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/ (дата обращения 29.06.2014)

³ Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] //URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения 03.09.2014)

⁴ Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы. //Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 5.

ности, нивелировать стратогические различия отличала институт образования той эпохи. Такие меры, как регламентирование процесса приема учащихся (квоты на прием в вуз), распределительная система трудоустройства выпускников, замещение культурных ценностей идеологическими принципами, сложно оценить однозначно, хотя они оказывали влияние как на качество образования, так и на уровень индивидуального интеллектуального потенциала. Кроме того, «бреши в монолитности образования» появлялись регулярно, попытка контроля и сдерживания стала перманентным состоянием. Соответственно, фильтрующая функция системы образования являлась латентной, периодически переходя в форму явной. Такое явление можно назвать «мерцательным эффектом», оно характеризуется постоянным присутствием в обществе той или иной функции, но зависит от того, «насколько общество осознает (или хотело бы осознать) ее действие»¹. Осознание и признание фильтрующей функции как явной произошло в связи с изменениями в социуме после распада СССР и сегодня, по меньшей мере, не подвергается отрицанию.

Современная Россия — динамически развивающееся общество. Приобретенная «открытость», возможность выступать полноправным участником глобальных мировых процессов, обширность внешних экономических и политических связей обуславливают и внутреннюю активность трудоспособного населения. Российский социум можно охарактеризовать как стратификационную структуру с достаточно высоким уровнем как горизонтальной, так и вертикальной мобильности. Важным показателем подвижности структуры общества является и то, что происходит углубление процесса дифференциации самой системы высшего образования. На сегодняшний день практически каждый российский выпускник школы обладает возможностью поступить в вуз. Несмотря на то, что количество студентов на 10 тысяч человек с 2007/08 учебного года по 2012/13 учебный год незначительно снизилось (с 435 чел. до 359

чел.), система высшего образования остается массовой². Такая тенденция провоцирует снижение качества образования: в силу обширности рынка образовательных услуг в сегменте появляются учреждения, ориентированные лишь на коммерческую прибыль. Подобное многообразие приводит в замешательство потребителей образовательных услуг, которым становится трудно определить качественный уровень того или иного учебного заведения. Выходит, что «... ориентация на демократизацию и массовость высшего образования привела к тому, что действительно высшее образование стало гораздо менее доступным, чем прежде (ввиду имеется качественное образование. — М.Ж.)»³. Однако, чтобы индивид обладал возможностью продвигаться вверх по социальной лестнице, полученное образование должно изначально гарантировать определенный статус. Такой статус, вероятно, может обеспечить престижное учебное заведение.

В качестве критериев престижности высших учебных заведений выступают чаще всего: качество образования, уровень квалификации профессорско-преподавательского состава, высокая репутация, техническая и материальная оснащенность, возможность получения высокооплачиваемой и конкурентноспособной профессии и прочее. Одним из главных и ключевых критериев стоит признать качественную составляющую. Проблема снижения уровня образования в российском обществе достаточно длительное время остается актуальной и подразумевает: снижение уровня подготовки абитуриентов, профессиональной компетенции преподавателей, материально-технического обеспечения обучающихся и прочее. Правительство РФ считает: «Повышение качества пришло в противоречие с расширением доступности

¹ Шаронова С. А. Социология образования. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С.124.

² Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] //URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm (дата обращения 03.09.2014)

³ Даниленко А. Н. Deals not words: о результатах реформирования российского образования. // Вестник ПсковГУ. Серия: Экономические и технические науки. № 4. 2014. С. 19.

профессионального образования — в колледжи и вузы поступают десятки тысяч выпускников школ с низкими баллами единого государственного экзамена»¹. Произошло это потому, что введение единого государственного экзамена (ЕГЭ), как связующего звена между ступенями образования и имеющего массово-усредняющий характер, значительно упростило процедуру поступления в вуз. С одной стороны, провозглашаемая универсализация и «объективизация» знаний обеспечивает поступающих в некоторой степени равными возможностями, что создает иллюзию справедливости и равнозначности. С другой стороны, введение ЕГЭ нивелировало индивидуальные характеристики абитуриентов и повлияло на размытие границ престижности (элитности) — массовости учебных заведений. В данном случае подразумевается теоретическая доступность любого вуза, хотя фактически престижность ведущих учебных заведений сохраняется. Этому способствует не только заслуженная репутация, но и повышенные требования к результатам ЕГЭ, а также проведение дополнительных экзаменов. В 2014 году согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации такое право получили 5 высших учебных заведений².

Наряду с отечественным престижным образованием особым статусом обладают европейские и американские учебные заведения. Обучение за рубежом традиционно воспринимается в России как высококачественное и элитарное. Полученное за границей образование ассоциируется с успешным трудоустройством и конкурентноспособностью не только на внутреннем, но, в первую очередь, на внешнем рынке труда. Подобная ситуация с одной стороны, результат сниженного престижа отечественного образования, а также укоренившихся стереотипизированных представлений советского периода о том, что в Европе более благоприятные условия

для жизнедеятельности. С другой стороны, идея единого мирового образовательного процесса как следствие вхождения в Болонский процесс, культивируется государством как закономерный план интеграции и универсализации. Все эти факторы способствуют отчуждению потенциальной рабочей силы от фактических нужд внутренней российской экономики: рынок перенасыщен выпускниками тех специальностей, в которых объективно нет надобности³. Кроме того, под влиянием глобализационных процессов стремительно меняются морально-нравственные принципы молодых людей, а также мировоззренческие позиции — все это формирует потребительскую ориентацию.

Согласно теории форм капиталов П. Бурдьё образование можно рассмотреть как средство превращения своего культурного капитала в экономический: «Этот продукт превращения экономического капитала в культурный капитал устанавливает (в терминах последнего) ценность [value] владельца данной квалификации относительно других владельцев квалификаций и (посредством этой же операции) денежную стоимость [value], на которую ее можно обменять на рынке труда (академические инвестиции не имеют смысла, если нет объективной гарантии подразумеваемого ими минимального уровня их обратной конвертации [reversibility of the conversion])»⁴. Потребительская позиция объяснима также и тем, что в период выбора молодым человеком учебного заведения и профиля обучения, ему сложно ориентироваться и найти баланс между своими предпочтениями и стремлением состояться материально. Следует отметить, что доля иностранных студентов в российских вузах невелика и составляет примерно 3% от общей численности иностранных студентов, обучающихся в мировых образовательных учреждениях, а «экспорт российских образовательных услуг падает и составляет менее

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 792-р от 15 мая 2013 г. С. 12–13.

² Распоряжение от 15 января 2014 года № 17-р. Правительство Российской Федерации

³ Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/career/news/25654001/rossijskie-zaprosyotlichayutsya-ot-ukrainskih>. (Дата обращения: 03.10.2014).

⁴ Бурдьё П. Формы капитала. // Экономическая социология. Электронный журнал. Пер. Добряковой М.С., научное редак. Радаев В. В. Том 3, № 5. 2002. С. 60–75.

1 процента общемирового рынка экспорта образовательных услуг»¹. Подобные данные могут иллюстрировать низкий уровень качества, а значит и престижа, либо объективное несоответствие мировым образовательным стандартам. Хотя эти показатели друг друга не исключают, наиболее актуальным и важным остается первый.

Возвращаясь к мысли о «равных» условиях, в которых оказываются абитуриенты различных социально-экономических статусов, рассмотрим возможные варианты вертикальной или горизонтальной мобильности этих позиций. Поступая в российский престижный вуз с целью повысить свой социальный статус, абитуриент из семьи среднего или низкого слоя, вероятно, изначально имеет ограниченные возможности для реализации полученного образования, даже в том случае, если он обладает необходимыми знаниями, умениями и навыками. Без наличия иных ресурсов и средств достижения кроме образования, передвижение по иерархической лестнице значительно усложняется. Происходит это потому, что у абитуриента с высоким аскриптивным статусом даже при наличии низких интеллектуальных способностей есть возможность остаться в своей страте или подняться еще на ступень. Кроме того, такому абитуриенту доступно обучение за границей, что также увеличивает его шансы на успехи и сохраняет высокий социальный статус. В данном случае определяющее значение приобретает социальная среда и окружение индивида. Н. Смелзер считает: «Вполне понятно, что, чем больше лет мы учимся, тем выше наши шансы добиться высокого дохода и восходящей социальной мобильности. По крайней мере образование дает нам аттестаты или дипломы, необходимые для занятий многими видами деятельности. Проследивание жизненного пути учащихся средних школ Висконсина, выбранных наугад, обнаружило высокую взаимозависимость между уров-

нем образования, или количеством лет, проведенных в учебном заведении, и успехом в работе. Однако наряду с этим выявилось, что на достижения в работе влияют и другие факторы, например умственные способности человека, социально-экономический статус его родителей и воздействие других людей (Сьюэлл, Халлер, Олендорф, 1970)»². Хотя идея социолога кажется вполне жизнеспособной, практика российской действительности все же чаще демонстрирует отсутствие прямой связи между количеством лет, затраченных на обучение и «шансами на успех».

Параллельным взаимозависимым процессом становится углубление коммерциализации и бюрократизации системы российского образования. Это, в свою очередь, оказывает влияние не только на качественную составляющую, но и создает благоприятные условия для легитимации этого явления. Например, «за последние 10 лет доля «платников» в государственных вузах увеличилась с 23 до 57%, а если брать абсолютные цифры, то получим их шестикратное увеличение»³. Таким образом, обучающиеся, не ориентированные на получение знаний и навыков, остаются на вершине иерархической лестницы. Отчисление таких студентов, как правило, не осуществляется, так как влечет за собой экономическую нецелесообразность для учебных заведений. В результате, ввиду снижения требований к интеллектуальным способностям и компетенциям, снижается и общий уровень профессиональной подготовки «на выходе». В государственных масштабах последствием подобных процессов будет снижение интеллектуального потенциала нации.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что многообразие возможностей создает условия для высокой социальной подвижности молодых людей. Передвижения по вертикали находятся в прямой зависимости от аскриптивного статуса и социально-

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 792-р от 15 мая 2013 г. С. 13.

² Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1998. С.453.

³ Рыбаков С. Проблемы вузовского образования // Обозреватель-Observer. 2011. № 11. С.70

экономической среды, в которой находится индивид. Выбор «престижного» учебного заведения в некоторой степени способствует движению «наверх». Немаловажное значение приобретает наличие знаний, умений и навыков, поскольку качественному образованию, согласно теории культурного капитала П. Бурдьё, свойственна ориентация на осуществление отбора наиболее одаренных и способных. Это одна из основных задач института образования, закладывающих принципы его функционирования. При этом важным момен-

том является институционализация культурного капитала, то есть присуждение индивиду «академических квалификаций»¹. Ввиду того, что вопрос качества российского образования, как упоминалось ранее, сегодня остается на пике актуальности, мы не можем полагать, что образование — это «социальный лифт». Стратификация в образовании и воспроизводство неравенства посредством образования вероятны только в сочетании с другими аспектами, как-то, высокий аскриптивный статус, наличие связей, удача и личные качества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдьё П. Формы капитала. // Экономическая социология. Электронный журнал. Пер. Добряковой М.С., научное редак. Радаев В.В. Том 3, № 5. 2002. С.60–75.
2. Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.ru/career/news/25654001/rossijskie-zaprosy-otlichayutsya-ot-ukrainskih>. (Дата обращения: 03.10.2014).
3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 792–р от 15 мая 2013 г. С. 12–13.
4. Даниленко Л.Н. Deals not words: о результатах реформирования российского образования. // Вестник ПсковГУ. Серия: Экономические и технические науки. № 4. 2014. С. 19.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы. // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 5.
6. Ньюман Л. Значение методологии: три основных подхода // Социологические исследования. 1998. № 3. С.122–134.
7. Осипов Г.В., Степашин С.В. Экономика и социология знания: практическое пособие / Научный совет по Программе фонд.исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». – М.: Наука, 2009. С.124.
8. Просольченко С.А. Социальная мобильность, её каналы и механизмы. Социальные институты как инструменты управления социальной мобильностью / Научные проблемы гуманитарных исследований / Изд-во: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. № 7, 2010. С.246.
9. Распоряжение от 15 января 2014 года № 17–р. Правительство Российской Федерации
10. Рыбаков С. Проблемы вузовского образования // Обозреватель–Observer. 2011. №
11. С.70 11. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1998. С.427–454.
12. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. С.213.
13. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level. (Дата обращения 29.06.2014).
14. Шаронова С.А. Социология образования. – М.: Изд-во ПСТГУЮ, 2011. 380 с.
15. Грудцына Л.Ю., Лагуткин А.В. Реформирование высшего образования: кластерный подход // Административное и муниципальное право. – 2014. – 7. – С. 723–732. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.7.12246.

¹ Бурдьё П. Формы капитала. // Экономическая социология. Электронный журнал. Пер. Добряковой М.С., научное редак. Радаев В. В. Том 3, № 5. 2002. С.60–75.

16. Е.А. Попов Особенности социологического исследования качества высшего профессионального образования в оценках основных субъектов образовательного процесса // Политика и Общество. – 2012. – 11. – С. 54–61.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Burd'e P. Formy kapitala. // Ekonomicheskaya sotsiologiya. Elektronnyi zhurnal. Per. Dobryakovo M.S., nauchnoe redakt. Radaev V.V. Tom 3, № 5. 2002. S.60–75.
2. Vedomosti. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vedomosti.ru/career/news/25654001/rossijskie-zaprosy-otlichayutsya-ot-ukrainskih>. (Data obrashcheniya: 03.10.2014).
3. Gosudarstvennaya programma Rossiiskoi Federatsii «Razvitie obrazovaniya» na 2013–2020 gody. Uтверждена распоряжением Правитель'sтва Rossiiskoi Federatsii № 792–r от 15 maya 2013 g. S. 12–13.
4. Danilenko L.N. Deals not words: o rezul'tatakh reformirovaniya rossiiskogo obrazovaniya. // Vestnik PskovGU. Seriya: Ekonomicheskie i tekhnicheskie nauki. № 4. 2014. S. 19.
5. Zaslavskaya T.I. Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: problemy i perspektivy. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2004. № 5. S. 5.
6. N'yuman L. Znachenie metodologii: tri osnovnykh podkhoda // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1998. № 3. S.122–134.
7. Osipov G.V., Stepashin S.V. Ekonomika i sotsiologiya znaniya: prakticheskoe posobie / Nauchnyi sovet po Programme fund.issled. Prezidiuma Rossiiskoi akademii nauk «Ekonomika i sotsiologiya znaniya». – M.: Nauka, 2009. S.124.
8. Prosol'chenko S.A. Sotsial'naya mobil'nost', ee kanaly i mekhanizmy. Sotsial'nye instituty kak instrumenty upravleniya sotsial'noi mobil'nost'yu / Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy / Izd–vo: Institut regional'nykh problem rossiiskoi gosudarstvennosti na Severnom Kavkaze. № 7, 2010. S.246.
9. Rasporyazhenie ot 15 yanvarya 2014 goda № 17–r. Pravitel'stvo Rossiiskoi Federatsii
10. Rybakov S. Problemy vuzovskogo obrazovaniya // Obozrevatel'–Observer. 2011. №
11. S.70 11. Smelzer N. Sotsiologiya: per. s angl.–M.: Feniks, 1998. S.427–454.
12. Sorokin P. A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo.–M.: Politizdat, 1992. S.213.
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. [Elektronnyi resurs] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level. (Data obrashcheniya 29.06.2014).
14. Sharonova S.A. Sotsiologiya obrazovaniya.–M.: Izd–vo PSTGUYu, 2011. 380 s.
15. Grudtsyna L.Yu., Lagutkin A.V. Reformirovanie vysshego obrazovaniya: klasternyi podkhod // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2014. – 7. – С. 723–732. DOI: 10.7256/1999–2807.2014.7.12246.
16. Е.А. Попов Особенности sotsiologicheskogo issledovaniya kachestva vysshego professional'nogo obrazovaniya v otsenkakh osnovnykh sub'ektov obrazovatel'nogo protsessa // Politika i Obshchestvo. – 2012. – 11. – С. 54–61.